

СОВЕТСКИЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС В 1945–1950 ГГ.: КРИЗИС ИЛИ КОНВЕРСИОННЫЙ ПЕРЕХОД (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2022

Захарченко А.В.

Общеобразовательная школа при Посольстве России в Венгрии (г. Будапешт, Венгрия)

Аннотация. В статье представлен анализ историографии развития военно-промышленного комплекса СССР в 1945–1950 гг. Внимание сфокусировано на определении основных подходов к развитию ВПК в годы послевоенного восстановления экономики. Результаты исследования показывают, что характеристика положения, в котором оказалось военное производство со второй половины 1945 г., как кризиса, не имеет под собой достаточных оснований. Большинство проблем, который испытывал советский ВПК, имели место и в годы Великой Отечественной войны и даже ранее. Переход к мирной жизни лишь обострил их. Изменения в системе ВПК после войны связаны не с кризисом, а с конверсионным переходом, который сопровождался существенными вложениями в новые отрасли – ракетостроение, атомную промышленность, радиолокацию. С другой стороны, процесс конверсии характеризовался увеличением доли гражданского выпуска и сокращением продукции оборонного назначения. Современная российская историография показывает, что претерпел изменения подход к управлению экономикой военного производства и планированию. Требования к качеству вооружения в связи с увеличением срока его эксплуатации ужесточились. Доказывается, что одним из перспективных направлений в историографии на современном этапе выступает сюжет межведомственных конфликтов в системе ВПК и способов их разрешения.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс; историография; послевоенная экономика; конверсия; Госплан; межведомственные отношения; производство вооружений.

THE SOVIET MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX IN 1945–1950: CRISIS OR CONVERSION TRANSITION (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

© 2022

Zakharchenko A.V.

Secondary School at the Russian Embassy in Hungary (Budapest, Hungary)

Abstract. The paper presents an analysis of the historiography of the military-industrial complex development in the USSR in 1945–1950. Attention is focused on determining the main approaches to the development of the military-industrial complex in the years of post-war economic recovery. The results of the study show that the characterization of the situation in which military production found itself since the second half of 1945, as a crisis, has no sufficient grounds. Most of the problems experienced by the Soviet military-industrial complex took place during the Great Patriotic War and even earlier. The transition to a peaceful life only aggravated them. Changes in the military-industrial complex system after the war were not related to the crisis, but to the conversion transition, which was accompanied by significant investments in new industries – rocket science, nuclear industry, radar. On the other hand, the conversion process was characterized by an increase in the share of civilian output and a reduction in defence products. Modern Russian historiography shows that the approach to managing the economy of military production and planning underwent changes. The requirements for the quality of weapons in connection with the increase in their service life became tougher. It is proved that one of the promising directions in historiography at the present stage is the plot of interdepartmental conflicts in the military-industrial complex system and ways to resolve them.

Keywords: military-industrial complex; historiography; post-war economy; conversion; Gosplan; interdepartmental relations; arms production.

Почти три десятилетия исследователи имеют возможность на документальной основе изучать становление и развитие военно-промышленного комплекса СССР. Само понятие, благодаря усилиям таких историков, как Н.С. Симонов, Г.Н. Рябов, И.В. Быстрова, А.К. Соколов, прочно вошло в научный оборот. Как система взаимосвязей хозяйственных субъектов, объединенных отношениями по созданию вооружений для укрепления оборонного потенциала государства, ВПК окончательно сформировался в годы холодной войны [1, с. 4]. Процесс его становления занял более 20 лет. За это время был пройден путь от «Военпрома», как совокупности предприятий, задействованных в производстве военной продукции, к собственно военно-промышленному комплексу, основные черты которого уже просматривались к 1941 г. [2, с. 4].

Большинство исследований по данной теме приходится на довоенный и военный периоды (до середины 1945 г.). Для зарубежных работ характерна та же тенденция. Если же хронологические рамки расширяются далее, то основное внимание сосредотачивается на передовых отраслях ВПК – атомной промышленности и ракетостроении, вычислениях доли военно-промышленного сектора экономики в национальном доходе, в то время как перестройка в традиционном сегменте военного производства (авиационная, танковая промышленность, промышленность вооружений и боеприпасов и т.д.) оказывается вне поля зрения [3, р. 99–173; 4, р. 268–302; 5, р. 118–210].

В целом историография по развитию ВПК в послевоенный период только складывается. Кроме того, большинство работ изучают структуру, кадры,

производственные параметры оборонной промышленности как основы ВПК. Гораздо меньше трудов о деятельности отдельных ведомств, содержащих анализ механизмов принятия решений в советской хозяйственной системе, о межведомственных взаимодействиях и конфликтах. В то же время за последние годы историки выдвинули ряд продуктивных идей, которые, вероятно, будут определять тренды в историографии, посвященной советскому ВПК.

Цель данной статьи стоит в том, чтобы выявить основные исследовательские подходы к развитию ВПК в ключевой для его отраслей период советской истории – 1945–1950 годы. Результатом анализа историографии должны стать ответы на вопросы: испытывала ли советская «оборонка» во второй половине 1940-х гг., как полагает ряд историков, кризис в производстве обычных вооружений, предпосылки которого сложились еще в период Великой Отечественной войны? Насколько изменились инструменты управления экономикой и ее планирования в годы войны и в мирных условиях? Для этого необходимо обратиться к обзору советской историографии, где предметом изучения выступала военная промышленность с традиционным анализом структуры, производства и кадров («Военпром»). С выходом на научные изыскания последних лет, мы разберем новые сюжеты в исследовании проблемы. Ключевым из них является анализ механизмов функционирования всей системы военно-промышленного комплекса.

Актуальность данной темы заключается в том, что вопрос, насколько обоснованно называть процесс перестройки военной промышленности кризисом, до сих пор в историографии не ставился.

На современном этапе специалисты склонны выводить кризис военной промышленности из политики сталинского руководства. При этом в советский период утвердилась точка зрения, что советское военное производство (термин ВПК не употреблялся) к окончанию войны подошло в состоянии подъема, работая как слаженный механизм [6, с. 163–192, 291–348]. Важнейшими факторами, которые обеспечили такой результат, считали трудовой героизм народа и партийное руководство. Несмотря на явное отягощение пропагандистской риторикой, у советских историков не возникало проблем с подкреплением фактами данных утверждений. Сам сюжет органично укладывался в одно из магистральных направлений развития исторической науки в СССР – историю рабочего класса [7–10]. Прочность тезиса о значении второго фактора подкреплялась самой спецификой советской политической системы, которая базировалась на монополии Коммунистической партии и подчиненной ей системы Советов, пронизывающей всю структуру управления народным хозяйством сверху донизу. Наряду с явно слабыми с исследовательской точки зрения и несостоятельными по источниковой базе работами [11, с. 56–76], в советской историографии выходили труды, выполненные на высоком научном уровне с вовлечением в оборот документов из центральных и региональных архивов [12–14]. Конечно, проведение качественных исследований было затруднено отсутствием открытого доступа к большинству документов советского периода. Изучение деятельности военно-промышленных ведомств в силу этого обстоятельства оказалось невозможным. Историки вынуждены были делать обобщающие выводы о развитии машиностроения в це-

лом, о работе каких-то «оборонных заводов», выпускающих «различные виды военной продукции» [15, с. 50] и т.д. Однако даже на доступном материале добросовестные исследователи публиковали новаторские на тот момент труды, защищали диссертации [16], основанные на таком массиве документов, что это порой вызывало недоверие у коллег-недоброжелателей [17].

Тезисы о трудовом героизме и значении руководящей роли партии приводили авторов исторических работ по экономической истории СССР к выводу о преимуществах советской экономики, ее обширном мобилизационном потенциале, который прошел проверку войной [18, с. 169–176]. Этот подход (по крайней мере, в отношении промышленности), вслед за советской, утвердился и в современной российской историографии. Причем вывод о мобилизационных преимуществах экономики СССР делался по результатам сопоставления как с тоталитарными государствами-агрессорами, так и с демократическими системами, составлявшими вместе с Советским Союзом группу стран-победительниц [19, с. 181–259]. В целом суть такого подхода заключалась в следующем: эвакуация с запада на восток и развертывание там мощностей оборонной индустрии были проведены в короткие сроки; потребности фронта обеспечивались уже в 1942 г., что позволило удерживать численное превосходство в вооружении над противником; в годы войны успешно реализовывалась программа ускоренной модернизации и внедрение новых образцов боевой техники, многие из которых не только не уступали, но и превосходили по своим тактико-техническим качествам вооружение вермахта. Издержки, которые приходилось при этом нести, оценивались как неизбежные. Достигнутые результаты (победа в войне, рост международного авторитета СССР, новый импульс в развитии индустрии в восточных районах, особенно Урала и Сибири) того стоили. Причем публикации историков по-прежнему отличаются корпусом источников от полного их отсутствия [20, с. 4–21] до высокой информационной насыщенности архивными материалами [21, с. 78–95].

Сам вывод о мобилизационных преимуществах советской системы в годы Великой Отечественной войны мы считаем обоснованным. Однако обратим внимание на следующую деталь: полное принятие всех положений советской историографии по этому вопросу мы встречаем в обобщающих работах и коллективных монографиях, научных сборниках к очередной годовщине Победы [22, с. 73–98; 23, с. 197–248].

В работах, исследующих историю отдельных отраслей военной промышленности, историки пристальное внимание обращают на детали с учетом отраслевой специфики, что делает их более критично настроенными. Например, в работах, посвященных развитию советской танковой промышленности, благодаря усилиям таких специалистов, как А.Ю. Ермолов, В.В. Запарий, Н.Н. Мельников, Л.В. Шубарина (последние трое – представители уральской научной школы, одной из сильнейших на сегодняшний день в военно-промышленной тематике), был сфокусирован взгляд на таких проблемных аспектах танкопрома 1941–1945 гг., как снижение квалификации кадров, падение жизненного уровня работников предприятий, материальные потери при эвакуации, разрушение сложившихся производственных цепочек кооперации, падение качества продукции в угоду массовости, уп-

рошение в конструкции бронетехники в ущерб ее эксплуатационным характеристикам и т.д. [24–32]. Более того, в их работах делается акцент на том, что проблемы, которые имели место в танкостроении в довоенный период, усугубились войной и продолжали стоять в повестке дня и в послевоенный период [27].

Действительно, окончание войны и переход от чрезвычайных условий работы на режим мирного времени парадоксальным образом не принесли оборонной индустрии стабильности. Н.С. Симонов в своей известной монографии приводит материалы обзора отдела ЦК ВКП(б) по машиностроению за 1938–1950 гг. где, помимо достижений, фиксируются такие проблемы, как систематическое невыполнение заданий конструкторскими бюро и научно-исследовательскими институтами, низкое качество новых образцов боевой техники и боеприпасов, которые требовали доработки. В свою очередь, это вело к дополнительным затратам, удлиняло сроки поставки готовой продукции вооруженным силам [33, с. 204]. Такие проблемы испытывали традиционные отрасли оборонки: танковая, авиационная, промышленность вооружений. Предприятия некогда могучей танковой отрасли стало буквально лихорадить: планы не выполнялись, качество продукции не соответствовало требованиям, сроки внедрения новых образцов бронетехники в серийное производство растянулись, а директора заводов, отмеченные наградами за трудовую доблесть в годы войны, подверглись критике. Так, В.В. Запарий в своей диссертации отмечает, что, несмотря на все усилия государства (включая период 1941–1945 гг.), танкостроение сохраняло «невысокие показатели экономической эффективности производства до конца 1940-х гг.» [34, с. 22]. При этом автор говорит о кризисе танкового производства в послевоенный период, чему способствовала, по его словам, непоследовательная политика государства, когда от предприятий требовали увеличения гражданского выпуска наряду с высокими показателями производства военной продукции [34, с. 22]. Ранее акцент на кризисе, возникшем в танковой отрасли в послевоенный период, сделала в своих исследованиях Л.П. Шубарина [35, с. 33]. Учитывая, что в её диссертации неоднократно использовался термин «ослабление», стоит полагать, что автор видит в наступившем после войны «кризисе» субъективную основу – политику государства. Как отмечает Л.В. Шубарина, «...политика руководства СССР была очень жесткой в отношении танковой отрасли <...> создав, не считаясь ни с какими затратами, во время войны на Урале мощнейшую танковую индустрию, в послевоенный период правительство, не колеблясь, пошло на ее резкое ослабление» [35, с. 32]. Следствием такого подхода стали тяжелые испытания танковой индустрии: «отсутствие стабильного и достаточного финансирования НИОКР, несбалансированность планов выпуска гражданской и военной продукции, сокращение государственного заказа, сворачивание государством социальных льгот для танкостроителей, противостояние партийной верхушки и директорского корпуса, не желавшего ей подчиняться» [35, с. 31]. Следует отметить, что Л.В. Шубарина, наряду с субъективными, определяет и объективные факторы, по ее словам, «длительной стагнации» танкостроения. Среди них указывается «появление новых внешних угроз, связанных с необходимостью создания атомного оружия», что вынудило руководство СССР

больше вкладывать ресурсы в «атомный проект». Вполне справедливое и аргументированное с опорой на факты суждение. Однако, на наш взгляд, такую позицию следовало бы отнести также к субъективным факторам «кризиса», поскольку сам пересмотр стратегии оборонного строительства являлся сознательным политическим выбором сталинского руководства, отражением видения Сталиным сложившейся международной ситуации.

Отметим также, что тему кризиса в оборонных отраслях послевоенного советского ВПК поднимали и специалисты по истории авиапромышленности. Так, Е.И. Подрепный приходит к выводу о «системном кризисе авиационной промышленности». Хронологически он определяет кризис рамками 1946–1948 гг., когда «отсутствовала продуманная государственная политика... по использованию в мирных условиях» авиапрома [36, с. 10].

На примере такой традиционной оборонной отрасли, как танкостроение, видно, что проблемы послевоенного периода имели место и в годы войны. Их наличие, на наш взгляд, не дает оснований считать данные проблемы частью кризиса оборонных отраслей советской экономики, иначе пришлось бы признать кризис и в 1942–1945 гг., на фоне неуклонного роста производства и модернизации боевой техники. На этот счет в одной из своих работ уральские историки дали адекватную характеристику танкового производства на Урале в военные годы. С их точки зрения, в связи с переходом на новые упрощенные технологии, со второй половины 1942 г. начался «кризис надежности», который проявлялся в снижении качества и эксплуатационных параметров бронетехники [29, с. 889].

Отметим, что у «кризиса надежности» имелись административные предпосылки. Речь идет о процессе децентрализации в системе управления, которая сопровождалась развитием горизонтальных связей на разных уровнях (между наркоматами, а также предприятиями разных отраслей) [37, с. 70]. С санкции Сталина центральные органы власти (ГКО, СНК) расширили руководителям наркоматов пространство для принятия самостоятельных решений в рамках их сферы деятельности. В одном из своих недавних исследований по данной проблеме О.В. Хлевнюк отмечал, что на такой шаг сталинское руководство пошло под давлением чрезвычайной обстановки, своевременно реагировать на изменение которой из единого центра стало невозможно [37, с. 62–63]. Последующими директивами права наркомов были расширены: им разрешили упрощать технические условия на предприятиях [37, с. 64]. Такой шаг ради увеличения объемов производства, в том числе на предприятиях военных наркоматов, по сути, легализовал снижение требований к качеству продукции.

«Кризис надежности» компенсировался массовыми поставками вооружения, боеприпасов и боевой техники на фронт. Короткий срок их эксплуатации не позволял в полной мере ощутить последствия такого кризиса.

Вместе с тем вопрос о «послевоенном кризисе» в отраслях советского ВПК нуждается в дополнительной проработке. Если кризис был, то можно ли видеть в нем, наряду с субъективными (политикой сталинского руководства по включению в гонку вооружений на новом уровне), объективные причины, которые нельзя было обойти в любом случае, принимая во

внимания закономерности экономического развития страны? На наш взгляд, говорить следует не о «кризисе», а о *конверсионном переходе*, который испытали на себе большинство традиционных отраслей советской оборонки. Под конверсионным переходом мы понимаем процесс реорганизации производства и управления военно-промышленным комплексом, адаптации его к работе в условиях мирного времени. Данный процесс характеризовался переводом значительной части мощностей традиционных отраслей оборонки (танковая, авиационная, промышленность боеприпасов и вооружений) на гражданский выпуск, снижением военного производства. Особенность процесса заключалась, как полагает И.В. Быстрова (хотя данный термин она не использует), «в сокращении устаревших образцов вооружения минувшей войны, которые не были необходимы в прежних количествах». Хронологические рамки конверсионного перехода также указаны и обоснованы Быстровой – 1946–1950 гг., то есть первая послевоенная пятилетка, когда «номенклатура по продукции военного назначения была полностью обновлена» [1, с. 239]. Добавим лишь, что нижнюю границу этого периода необходимо отодвинуть к 1945 г., когда со второго полугодия конверсия стремительно набирала обороты.

Историки, рассматривавшие развитие военно-промышленного комплекса как в масштабах СССР, так и на региональном уровне (Е.Т. Артёмов, Н.С. Симонов, И.В. Быстрова, Г.Н. Рябов, М.В. Егошина, А.В. Ефремов, Л.В. Шубарина), отметили специфику такого перехода. Формирование передовых наукоемких отраслей (радиоэлектронная, атомная, ракетостроительная промышленность) шло параллельно с резким падением военного выпуска в традиционных производствах и увеличением доли гражданской продукции в номенклатуре оборонных предприятий [1; 31; 33; 38–41].

При исследовании проблем советского ВПК в период конверсионного перехода необходимо учитывать позицию хозяйственных ведомств, прежде всего военно-промышленных наркоматов-министерств и Госплана СССР. Последний выступал как разработчик стратегии хозяйственного развития страны. Помимо планирования и контроля над выполнением планов, Госплан призван был согласовывать интересы наркоматов-министерств. С одной стороны, перед вышестоящим руководством (правительство, политбюро) он являлся консультативным органом [42], с другой – выступал гарантом общегосударственных интересов, принимая на себя функцию сдерживания ведомственного давления.

Отметим, что феномен межведомственных конфликтов в советской экономике 1930–1950-х гг. и процесс согласования ведомственных интересов является важной проблемой в историографии. Механизм взаимодействий бюрократических структур, охватывающих хозяйственный комплекс СССР, интересовал исследователей уже не одно десятилетие. Под исследовательским прицелом находились и процесс планирования, и сам Госплан [43; 44]. Недостатка в идеях и предположениях не было («планирование как управление», «планирование как навязанная модель будущего и т.д.), однако на пути этого интереса стояла стена секретности – изучать советские ведомства без ведомственных документов малопродуктивно с научной точки зрения.

Как известно, с начала 1990-х гг. ситуация изменилась. Доступ к хранящимся в архивах документам

партийных и государственных структур позволил историкам приступить к изучению механизма межведомственных взаимодействий, скорректировать подходы в отношении экономической политики советского руководства. Относительно довоенного периода историография пополнилась качественными, основанными на большом массиве архивного материала, исследованиями борьбы наркоматов за ресурсы в рамках подготовки и реализации хозяйственных планов [45–48]. Системе планирования в военной промышленности и роли Госплана в отношениях с военным «лобби» был посвящен труд Л. Самуэльсона. Несмотря на то, что хронологически он охватывал 1920–1930-е гг., выводы Самуэльсона, основанные на солидном корпусе архивных документов, расширили представления о процедуре принятия решений советской партийно-хозяйственной элитой в определении стратегии экономического развития и военного планирования [49, с. 56–67, 190–211].

Механизм управления советской системой в годы Великой Отечественной войны на примере структуры и функционирования Государственного комитета обороны исследовал в своих работах О.В. Хлевнюк [50, с. 5–31]. В более ранних публикациях он высказал и развил несколько новаторских идей относительно процедуры межведомственных согласований в процессе определения параметров послевоенных пятилеток [51, с. 98–112; 52, с. 79]. По словам О.В. Хлевнюка, этот процесс принципиально не изменился по сравнению с довоенным периодом: «На первом этапе составленный Госпланом проект подвергался атакам со стороны ведомств, требующих увеличения капиталовложений и сокращения планов производства продукции. Затем высшим руководством страны принималось принципиальное решение об общих пропорциях плана, и наступал этап согласования цифр по отдельным ведомствам» [52, с. 79]. Выступая, с одной стороны, в роли координатора межведомственных отношений, с другой – «контролирующего органа, отстаивающего «общегосударственные интересы» в борьбе с «ведомственным эгоизмом» [52, с. 82], Госплан неизбежно становился участником конфликтов при столкновении интересов наркоматов-министерств.

Тема межведомственных отношений в рамках советской системы послевоенного времени получила свое развитие в исследованиях А.Ю. Ермолова и Е.В. Баева [53–57]. Отметим, что Ермолов одним из первых исследовал феномен межведомственных противоречий на примере военно-промышленных отраслей. Вывод Баева о том, что «процесс экономического планирования сопровождался ведомственным лоббированием и межведомственными конфликтами, что оказывало значительное влияние на контрольные цифры плановых заданий» [57, с. 17], разделяется и другими исследователями данной проблематики.

Конверсионный переход обострил борьбу между хозяйственными ведомствами за ресурсы и наиболее благоприятные условия работы в процессе реализации планов послевоенной пятилетки. Военно-промышленные ведомства в качестве приоритета видели, по возможности, сохранение наращенных за годы войны производственных мощностей. Они также негативно воспринимали передачу части предприятий в другие хозяйственные ведомства, воздействовали на Госплан с целью добиться более выгодного распределения фондов в условиях увеличения доли гражданской продукции и технологической реорганизации военных за-

водов в связи с переходом на более современные образцы вооружения. Крайне болезненно воспринимали усиление внимания к качеству военной продукции.

На наш взгляд, развитие историографии советского ВПК в послевоенный период необходимо увязывать с исследованиями, посвященными военной экономике СССР в годы Великой Отечественной войны. Сложившиеся в ходе эвакуации территориальная локализация, отраслевая структура, принципы управления, проведенная в оборонной промышленности технологическая перестройка, ресурсная мобилизация определили масштабы и длительность конверсионного перехода 1945–1950 гг. До начала 1990-х гг. советская историография обходила сюжеты, связанные с темой военно-промышленного комплекса, конкретных оборонных отраслей, однако разрабатывала проблематику перестройки экономики для работы в условиях военного времени, историю рабочего класса, роль партийных органов в управлении промышленностью и мобилизации ресурсов страны. Был сформулирован вывод о преимуществах социалистической экономики. В современной историографии он звучит как превосходство мобилизационной модели советской системы, которая прошла тест на прочность войной. Как таковая, тема военно-промышленного комплекса содержательно стала разрабатываться с 1990-х гг., когда исследователи получили доступ к документам партийно-государственных организаций, хранящихся в российских архивах. Результатом стали труды по развитию как отдельных оборонных отраслей, так и в целом ВПК, который изучался на региональном и общесоюзном уровне. Проблематика данной темы была представлена таким аспектами, как структура, организация, управление, функционирование советской оборонки. Причем границы изучения данного вопроса отодвигались к послевоенным пятилеткам. В конце 1990-х – начале 2000-х формируется еще один сюжет – изучение межведомственных отношений в советской экономике, конфликтов и механизмов их регулирования в том числе и в послевоенный период. Однако для полного понимания того, как функционировала советская хозяйственная система, необходимо глубже исследовать данный вопрос на примере ВПК. В этом отношении анализ процесса адаптации оборонной промышленности к работе в условиях мирного времени, который мы называем конверсионным переходом, видится перспективным.

Список литературы:

1. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
2. Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
3. The Soviet defence-industry complex from Stalin to Khrushchev / ed. by J. Barber, M. Harrison. Basingstoke: Macmillan Press LTD, 2000. 283 p.
4. The economics of World War II: six great powers in international comparison / ed. by M. Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 307 p.
5. Guns and rubles: the defense industry in the Stalinist state / ed. by M. Harrison. New Haven–London: Yale University Press, 2008. 272 p.
6. Кравченко Г.С. Военная экономика СССР. 1941–1945. М.: Воениздат, 1963. 398 с.
7. Беляков А.П. Историография трудового подвига советского народа в период Великой Отечественной вой-

ны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1964. 16 с.

8. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 575 с.
9. Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Соцэкгиз, 1962. 480 с.
10. Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). М.: Наука, 1984. 296 с.
11. Кукин Д.М. Коммунистическая партия – организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 1961. № 10. С. 56–76.
12. Храмов Л.В. Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 220 с.
13. Мышенцев Н.П. Индустриальное Поволжье в годы Великой Отечественной войны: Парт. руководство промышленностью. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 163 с.
14. Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Наука, 1982. 280 с.
15. Ванчинов Д.П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: ист. очерк. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. 304 с.
16. Мышенцев Н.П. Индустриальное развитие Поволжья в годы Великой Отечественной войны (работа партийных организаций в промышленности): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 53 с.
17. Храмова Е.Л. Ленар Васильевич Храмов – историк Великой Отечественной войны (к 80-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3 (2). С. 649–658.
18. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 191 с.
19. Хохлов Е.В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны: монография. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 282 с.
20. Попов Д.А. Военная экономика СССР 1941–1945 гг.: закономерность Победы // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2015. № 2 (76). С. 4–21.
21. Быстрова И.В. Перестройка промышленности в СССР в 1941–1945 гг.: опыт военной мобилизации // Новые исторические перспективы. 2018. № 1 (10). С. 78–95.
22. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М.: Наука, 1999. 368 с.
23. Великая Отечественная война в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
24. Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. 310 с.
25. Ермолов А.Ю. Эвакуация предприятий советской танковой промышленности в 1941 г.: уникальное историческое явление или масштабная неудача? // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 2. С. 22–35.
26. Запарий В.В. Вклад Челябинского тракторного завода в развитие танкового производства на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2014. № 2 (27). С. 68–72.
27. Запарий В.В. Советская танковая промышленность периода Великой Отечественной войны: технологические ограничения деятельности и борьба за их преодоление // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 3. С. 298–310. DOI: 10.15507/2409-630x.042.014.201803.298-310.
28. Запарий В.В. Элементы политики «фордизма» как инструмент антикризисного управления в уральской танко-

вой промышленности периода Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 131–139. DOI: 10.17223/15617793/425/17.

29. Запарий В.В., Запарий В.В., Гуансян Ч. Формирование протокластеров в танковой промышленности Урала в 1941–1945 гг. // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 883–894. DOI: 10.17059/2017-3-20.

30. Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. 416 с.

31. Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг.: монография. Челябинск: Урал. акад., 2011. 282 с.

32. Шубарина Л.В. Производство танков в структуре оборонно-промышленного комплекса СССР (1945–1953 гг.) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2006. № 16–3. С. 223–232.

33. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: Росспэн, 1996. 336 с.

34. Запарий В.В. Танковая промышленность Урала в 1940-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2013. 24 с.

35. Шубарина Л.В. Становление и развитие оборонно-промышленного комплекса на Урале, 1945–1965 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2011. 44 с.

36. Подрепный Е.И. Развитие отечественного самолетостроения в условиях «холодной войны» (1946–1959 гг.) (на материалах серийных заводов Европейской части СССР): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2013. 38 с.

37. Хлевнюк О.В. Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2018. № 4. С. 58–72. DOI: 10.31857/s086956870000132-6.

38. Артёмов Е.Т. Оборонные приоритеты советской научно-технической политики в первое послевоенное время // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 125–134. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-125-134.

39. Егошина М.В. Тяжелая промышленность и ВПК Горьковской области в первые послевоенные десятилетия (1946–1965 годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2004. 21 с.

40. Ефремов А.В. К вопросу о конверсии ВПК Удмуртии в послевоенный период (1945–1950) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27, вып. 1. С. 151–156.

41. Рябов Г.Н. Формирование и развитие военно-промышленного комплекса СССР в первые годы «холодной войны» (1945 – начало 1950-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1997. 24 с.

42. Davies R.W., Khlevnyuk O.V. Gosplan // Decision making in the Stalinist command economy, 1932–37 / ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997. P. 32–66.

43. Zaleski E. Stalinist planning for economic growth, 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. 788 p.

44. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1983. 319 с.

45. Грегори П. Политическая экономика сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. 2-е изд. М.: Росспэн, 2008. 400 с.

46. Белова Е.Б. Стихия плана: практика работы Госплана СССР в первой половине 30-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М.: Росспэн, 2002. С. 579–606.

47. Маркевич А.М. Советская экономика 1930-х гг. Отраслевые наркоматы и главки: официальные задачи и реальная практика // Экономическая история. Обзорное. Вып. 8. М., 2002. С. 89–91.

48. Маркевич А.М. Управление советской промышленностью в 1930-е гг.: внутренние противоречия и реформы // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 2 / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002. С. 170–176.

49. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: Аиро-XX, 2001. 296 с.

50. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг.: аннотированный каталог. В 2 т. Т. 1: 1941–1943 / редкол.: А.К. Сорокин (отв. ред.) и др. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 1222 с.

51. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / пер. с англ. А.А. Пешкова. М.: Росспэн, 2011. 231 с.

52. Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 77–88.

53. Ермолов А.Ю. За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию в СССР в середине 1940-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: Росспэн, 2014. С. 390–402.

54. Баев Е.В. Стратегическое планирование в СССР на примере разработки пятого пятилетнего плана // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2018. № 4. С. 3–13.

55. Баев Е.В. Конфликты между Госпланом РСФСР и республиканскими отраслевыми министерствами и ведомствами (1946–1953 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 63–81.

56. Баев Е.В. Механизм разрешения конфликтов между Госпланом СССР и отраслевым министерством (1945–1953 гг.) // Клио. 2018. № 11 (143). С. 59–63.

57. Баев Е.В. Развитие системы управления советской экономикой в послевоенный период (1945–1953 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2021. 22 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, учитель истории и обществознания; Общеобразовательная школа при Посольстве России в Венгрии (г. Будапешт, Венгрия). E-mail: zaharchenkoav@gmail.com.</p>	<p>Zakharchenko Aleksey Vladimirovich, doctor of historical sciences, associate professor, teacher of history and social studies; Secondary School at the Russian Embassy in Hungary (Budapest, Hungary). E-mail: zaharchenkoav@gmail.com.</p>

Для цитирования:

Захарченко А.В. Советский военно-промышленный комплекс в 1945–1950 гг.: кризис или конверсионный переход (историографический аспект) // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 224–229. DOI: 10.55355/snv2022114210.